

МОРИС МЕТЕРЛИНК

*ЖИЗНЬ ПЧЕЛ
РАЗУМ ЦВЕТОВ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

ЖИЗНЬ ПЧЕЛ

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

Часть I

НА ПОРОГЕ УЛЬЯ

I

Я не намерен писать трактата по пчеловодству или руководства по уходу за пчелами. Все цивилизованные страны уже владеют превосходными руководствами, которые было бы бесполезно перedelывать: Франция — Дадана, Жоржа де Лайенса и Бонне, Бертрана, Гаме, Вебера, Кемана, аббата Коллена и т. д.; страны, говорящие на английском языке, имеют руководства Лангстрота, Бивана, Кука, Чешайра, Кована, Рута и их учеников. Германия имеет Дзиерзона, Ван-Берлепша, Поллмана, Фогеля и многих других.

Но моя книга не будет также ни научной монографией об *apis mellifica*, *ligustica*, *fasciata* и т. д., ни сборником новых наблюдений или исследований. Я не скажу почти ничего, что не было бы известно всем, хоть сколько-нибудь имевшим дело с пчелами. Чтобы не загромождать слишком этого труда, я оставил до другой, предназначенной уже для специалистов, работы целый ряд опытов и наблюдений, сделанных мною в течение двадцати лет занятий пчеловодством, — наблюдений, слишком специальных и потому имеющих слишком ограничен-

ный интерес. Я просто хочу говорить о «белокурых пчелах» Ронсара, как говорят о предмете, который знают и который любят, тем, кто его совсем не знает. Я не имею в виду ни подкрашивать истину, ни быть в числе тех занимавшихся пчелами лиц, которых справедливо упрекал Реомюр в замене действительно чудесного нравившимся им чудесным-фантастическим. В улье много чудесного, но это не основание для преувеличений. Кроме того, я уже давно отказался искать в этом мире более интересное и более прекрасное чудо, чем истина или чем усилие человека ее постигнуть. Не будем тратить сил на поиски за величием жизни в неведомом. Вещи, самые обычные, полны величия, и мы до сих пор не исследовали основательно ни одной из них. Я буду говорить поэтому только о фактах, или проверенных мною лично, или таких, проверка которых являлась излишнею, ввиду их полной установленности в апидологии. Моя задача ограничивается тем, чтобы представить факты столь же научно, но в более живой форме, связать их с некоторыми более глубокими и более свободными о них размышлениями и придать им очертания более гармоничные, чем то возможно сделать в руководстве, в практическом учебнике или научной монографии. Кто прочтет эту книгу, тот не будет в состоянии руководить ульем, но он узнает приблизительно все, что известно об его обитателях достоверного, любопытного, интимного и глубокого. Но все это, конечно, ничто в сравнении с тем, что еще останется ему изучить. Я обойду молчанием все традиционные заблуждения, которые еще до сих пор составляют легенду улья в деревнях

и во многих сочинениях. Когда явится сомнение, разногласие, гипотеза, когда я столкнусь с неизвестным — я честно сознаюсь в этом. Вы увидите, что нам часто придется останавливаться перед неизвестным. Кроме крупных и значительных актов внутреннего управления и деятельности легендарных дочерей Аристея*, о них не известно ничего вполне достоверного. По мере того как улучшается культивирование пчел, все больше приходится убеждаться в незнании подлинных глубин их существования; но такое незнание уже само по себе лучше бессознательного и самодовольного невежества, которое составляет основу нашей науки о жизни. Да, по всей вероятности, этим и ограничивается все, на что человек может надеяться узнать в этом мире.

Существует ли еще труд о пчелах, подобный настоящему? Что касается меня, то я не знаю ничего в этом роде, — хотя думаю, что я прочел приблизительно все, что о них писалось, — кроме главы, посвященной этому предмету Мишлэ в конце его книги «L'Insecte», и этюда на ту же тему знаменитого автора «Силы и материи» Людвига Бюхнера, в его книге «Geistesleben der Thiere»**. Мишлэ едва коснулся этого предмета, а что касается Бюхнера, то его этюд довольно полон, но, прочитавши рискованные утверждения, легендарные факты, ссылки

* Аристей, сын Аполлона, по мифическому преданию, научил людей пчеловодству. — *Примеч. пер.*

** Можно было бы еще указать на монографию Кирби и Спенса в их «Introduction to Entomology», но она почти исключительно технического характера.

на давным-давно отброшенные источники, я подозреваю, что он никогда не выходил из своей библиотеки, дабы спросить непосредственно своих героинь, никогда не открывал ни одного из тех сотен шумных, как пламенем охваченных крыльями, ульев, в которые необходимо проникнуть, прежде чем наш инстинкт приспособится к их тайне, прежде чем удастся напитаться атмосферой, ароматом, духом и таинствами трудолюбивых девственниц. В книге Бюхнера нет аромата меда и духа пчел; она страдает тем же недостатком, как и многие наши ученые книги, в которых выводы часто предвзяты и научное построение которых есть не что иное, как огромное нагромождение недостоверных анекдотов, взятых где попало. Но мне редко придется встречаться с ним в своем труде, потому что наши отправные пункты, наши точки зрения и наши цели совершенно различны.

II

Библиография пчел — одна из наиболее обширных (мы начнем с книг, чтобы скорее от них отделаться и направиться к самому источнику этих книг). Это маленькое странное существо, живущее обществом, управляемое сложными законами и совершающее во мраке удивительные работы, привлекало к себе с незапамятных времен внимание человека. Аристотель, Катон, Варрон, Плиний, Колумелла, Паладиус занимались пчелами, не говоря уже о философе Аристомахе, который, по словам Плиния,

наблюдал их в течение пятидесяти восьми лет, и о Филиске из Тазоса, который жил в пустынных местах, чтобы не видеть никого, кроме пчел, и был прозван «Диким». Но именно у них-то и находится легенда о пчелах и все, что оттуда можно извлечь, то есть нечто, почти равное нулю, изложено вкратце в четвертой песне «Георгик» Вергилия.

История пчелы начинается только в XVII веке с открытиями великого голландского ученого Шваммердама. Однако необходимо прибавить и еще одну малоизвестную подробность, а именно: еще до Шваммердама фламандский натуралист Клутиус высказал несколько важных по этому поводу истин и между прочим, что царица является единственной матерью всего ее народа и что она обладает атрибутами обоих полов; но он этого не доказал. Шваммердам изобрел истинные методы научного наблюдения, создал микроскоп, придумал сохраняющие инъекции, первый анатомировал пчелу, установил открытием яичников и яйцевода окончательно пол царицы, которую до тех пор считали царем, и пролил неожиданным лучом свет на все внутренние отношения улья как основанные на материнстве. Наконец, он сделал разрезы и дал рисунки, настолько совершенные, что они еще и теперь служат иллюстрацией для многих трактатов по пчеловодству. Он жил в шумном и беспокойном Амстердаме, сожалея о «мирной деревенской жизни», и умер в сорок три года, изнуренный трудом. Он сообщил свои наблюдения в большом труде «*Vybel der Natuure*», написанном в благочестивом и точном стиле. В этой книге прекрасные и простые порывы

веры, которая боится быть поколебленной, относят все к славе Создателя; столетием позже она была переведена доктором Бергавом с нидерландского языка на латинский под заглавием «*Biblia Naturae*» (Лейден, 1737 г.).

Затем следует Реомюр, который, оставаясь верным тем же методам, сделал в своих шарантонских садах множество любопытных опытов и наблюдений над пчелами и отвел им целый том своих «*Mémoires pour servir à l'histoire des insectes*». Его можно прочесть с пользой и без скуки. Изложение книги ясно, положительно, искренно и не лишено известной прелести, хотя немного грубоватой и немного сухой. Он особенно стремился разрушить большое количество древних заблуждений, распространил несколько новых, отчасти разъяснил образование роя, политический режим цариц — одним словом, нашел несколько трудных истин и навел на след многих других. Своими исследованиями он особенно утвердил чудеса архитектуры улья, и все, что он об этом говорит, никем не было сказано лучше. Ему также обязаны идеей стеклянных ульев, которые потом, будучи еще более усовершенствованы, обнажили всю скрытую жизнь этих ретивых работниц, начинающих свое дело в ослепительном сиянии солнца и завершающих его только во тьме. Я должен был бы для полноты предмета назвать еще изыскания и работы более поздних исследователей — Шарля Бонне и Шираха (который разрешил загадку царского яйца), но я ограничусь только главным и укажу на Франсуа Губера, учителя и классика науки о пчелах наших дней.

Губер, родившийся в Женеве в 1750 г., ослеп еще в ранней молодости. Заинтересованный сначала опытами Реомюра, которые он хотел проверить, он скоро пристрастился к этим исследованиям и, с помощью разумного и преданного слуги, Франсуа Бюрненса, посвятил всю свою жизнь изучению пчелы. В летописях человеческих страданий и побед нет ничего более трогательного и более поучительного, чем история этого терпеливого сотрудничества, где один, видевший только духовный свет, руководил умом, руками и глазами другого, наслаждавшегося светом реальным; где человек, никогда, как уверяют, не видевший собственными глазами медового сота, тем не менее провидел сквозь пелену своих мертвых очей, — удваивавшую ту пелену, которою природа окутывает все существующее, — самые глубокие тайны гения, созидавшего этот невидимый исследователем медовый сот; все это совершалось как бы для того, чтобы показать нам, что нет такого положения, при котором мы должны отказаться от надежды обрести истину. Я не буду перечислять, чем обязана наука о пчелах Губеру, я скорее мог бы указать, чем она ему не обязана. Его «Nouvelles observations sur les abeilles» («Новые наблюдения над пчелами») остались обильным и верным сокровищем, из которого черпают многое все исследователи пчел; первый том этого сочинения был написан в 1789 г. в форме писем к Шарлю Бонне, а второй появился только двадцать лет спустя. Правда, там встречается несколько ошибок, несколько несовершенных истин; со времени его книги было много прибавлено в микрографии, в практической куль-

туре пчел, в способах обращения с царицами и т. д., но ни одно из его главных наблюдений не было опровергнуто или признано неверным: они остаются неприкосновенными в наших современных опытах и составляют их основу.

III

После открытий Губера идет несколько лет молчания; но скоро Дзиерзон, священник в Карлсмарке (в Силезии), открывает партеногенезис, то есть девственное деторождение цариц, и изобретает первый улей с подвижными сотами, благодаря которым пчеловод мог отныне брать свою долю сбора, не предавая смерти свои лучшие колонии и не уничтожая в одно мгновение работу целого года. Этот улей, еще очень несовершенный, был чрезвычайно усовершенствован Лангстротом, который изобрел собственно подвижные рамы, с необыкновенным успехом распространенные в Америке. Рут, Куинби, Дадан, Чешайр, де Лайенс, Кован, Геддон, Говард и др. вносят в это изобретение еще несколько драгоценных улучшений. Чтобы избавить пчел от работы воска и постройки магазинов, на что им приходится тратить много меду и самое лучшее время, Меринг придумал давать пчелам механически приготовленные восковые соты, которые немедленно принимаются пчелами и приспособляются к их нуждам. Грушка изобретает «smelatore», который применением центробежной силы позволяет извлекать мед, не разбивая сот, и т. д. В несколько лет рутина

пчеловодства разрушена; продуктивность и плодovitость улья утроены; везде устраиваются обширные и производительные пчельники. С этой минуты прекращаются бесполезные избиения самых трудолюбивых поселений и безобразный обратный подбор, являвшийся следствием таких избиений. Человек действительно становится господином пчел, господином тайным и неведомым, который всем управляет, не давая приказов, и держит все в повиновении, оставаясь неузнанным. Он вводит свою волю туда, где раньше все находилось в зависимости от сезона; он исправляет недочеты всего года; он соединяет враждебные республики; он уравнивает богатства; он увеличивает или сокращает число рождений; он регулирует плодovitость царицы; он ее свергает с трона и замещает другою, вырывая ловкостью трудно дающееся на это согласие народа, который возмущается при одном подозрении о непонятном вмешательстве. Найдя это нужным, он мирно нарушает тайну священных покоев и всей хитрой и предусмотрительной политики царского гинекея. Он по пять-шесть раз подряд отбирает плоды трудов этих сестер доброй неутомимой обители, не нанося им вреда, не отнимая у них мужества и не доводя их до разорения. Он соразмеряет склады и житницы их жилищ с жатвою цветов, рассыпанных весною в ее торопливом движении по склонам холмов. Он заставляет их сократить пышный штат возлюбленных, ожидающих рождения принцесс. Одним словом, он делает с ними, что хочет, и получает от них то, что требует, с тем, однако, условием, чтобы его требование подчинялось их свойствам и их законам, потому

что поверх воли этого неожиданного бога, который завладел ими, поверх этой воли, — слишком обширной, чтобы быть замеченной, и слишком чуждой, чтобы быть понятой, — пчелы видят дальше, чем видит сам этот бог, и в своем непоколебимом самоотречении они думают только о выполнении таинственного долга их расы.

IV

Теперь, когда книги уже сказали нам все, что они имели сказать нам существенного относительно весьма древней истории пчел, оставим науку, приобретенную другими, и взглянем на пчел нашими собственными глазами. Один час, проведенный среди пчельника, покажет нам вещи, может быть, менее точные, но бесконечно более живые и плодотворные.

Я еще не забыл первый пчельник, который я видел и по которому научился любить пчел. Это было уже много лет тому назад в простой деревушке зеландской Фландрии, — опрятной и грациозной Фландрии, которая, еще больше, чем сама Зеландия, этот рефлектор Голландии, сконцентрировала в себе вкус к ярким цветам и ласкает глаз своими, подобными красивым и серьезным игрушкам, башнями и остроконечными крышами, своими ярко раскрашенными тележками, своими блестящими в глубине коридоров шкапами и стенными часами, своими маленькими, вытянувшимися вдоль набережных и каналов, как будто в ожидании наивной

и благотельной церемонии, деревьями, своими с разукрашенной кормой барками и лодками, своими дверьми и своими окнами, подобными цветам, своими безукоризненными шлюзами, своими миниатюрными и разноцветными подъемными мостами, своими отполированными, как изящная и сверкающая утварь, домиками, откуда выходят, украшенные золотом и серебром и походяие на колокольчики, женщины, отправляющиеся доить коров в окруженные белыми оградами луга или растягивать белье на ковре из вырезанных овалами и ромбами нежно-зеленых и усеянных цветами лужаек.

Там укрылся старый мудрец, довольно похожий на старца Вергилия.

Равный царям человек и подобный богам,
И подобно последним, спокойно довольный,

сказал бы Лафонтен; он скрылся туда, где жизнь казалась бы более узка, чем в других местах, если бы действительно было возможно сузить жизнь. Там он устроил себе убежище не потому, что получил отвращение к жизни — мудрый не знает такого сильного отвращения, — а потому, что немного устал вопрошать людей, отвечающих менее просто, чем животные и растения, на единственные интересные вопросы, которые можно поставить природе и действительным законам. Все его счастье, как и у скифского философа, заключалось в красотах сада, и между этими красотами наиболее любимой и чаще всего посещаемой был пчельник, состоявший из двенадцати соломенных ульев в виде колокола, раскрашенных